

*Моей дочери Брайони,
соратнице по литературному труду
и верной подруге на кухне*

Жизнь мрачных тайн полна; найдется ль сердце,
Что не таит от мира скорьбь свою?

Летиция Лэндон. Тайны. 1839

Но самое страшное горе из всех —
то, что таится в бесслезной тоске.

Элиза Актон. Оставь меня. 1826

Осмелюсь высказать предположение,
что авторами великого множества стихов,
опубликованных анонимно, были женщины.

Вирджиния Вулф. Своя комната. 1929

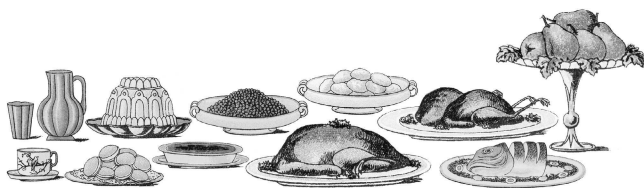

ПРЕДИСЛОВИЕ

Э то художественное произведение основано на общеизвестных фактах из жизни поэтессы, кулинарной писательницы-новатора Элизы Актон и ее помощницы Энн Кирби. В период с тысяча восемьсот тридцать пятого по тысяча восемьсот сорок пятый год Элиза и Энн жили в городке Тонбридж, графство Кент, и трудились над книгой рецептов, которую впоследствии называли «величайшей британской кулинарной книгой всех времен» (Би Уилсон, «Телеграф») и «лучшей поваренной книгой, написанной когда-либо на английском языке» (доктор Джоан Тёрск). Книга стала бестселлером своего времени не только в Великобритании, но и за ее пределами. За тридцать лет было продано более ста двадцати пяти тысяч экземпляров. Книга оказала заметное влияние на более поздних кулинарных авторов, включая Элизабет Дэвид, называвшую ее своей «любимой спутницей и наставницей», и Делию Смит, которая считала Элизу Актон «лучшей кулинарной писательницей в англоязычном мире» и признавалась, что та стала для нее неисчерпаемым источником вдохновения и оказала огромное влияние».

ЭНН

Перед уходом на работу мистер Уитмарш совершает нечто из ряда вон выходящее. Он вручает мне подарок. Аккуратно завернутый в коричневую бумагу. Перевязанный не ленточкой, а простой бечевкой. И все равно — подарок.

— Это тебе, моя милая Энн, — говорит он, не отрывая слезящихся глаз от карманных часов.

Ему нравится называть меня «своей Энн», хотя я считаю, что прислуге моего возраста, с моим опытом больше подходит «миссис Кирби». Правда, я не только прислуживаю. Я согреваю по ночам его постель и заплетаю косички его дочерям, оставшимся без матери.

Как только затихает звук его шагов по мраморному полу, я с любопытством ощупываю сверток. По форме и весу понятно: это книга. Теряясь в догадках, я дергаю за концы бечевки и нетерпеливо разрываю упаковочную бумагу. В мыслях полная сумятица, точно в голову засунули венчик для яиц и взбили мозги в пышную пену.

Может, это стихи? Роман? Или географический атлас? С какой стати мистер Уитмарш решил купить мне подарок? Обрывки бумаги падают на пол. Совсем не похоже на меня — впадать в такой... буйный восторг. Я улыбаюсь, вспомнив, чье это выражение.

Мистер Уитмарш знает, что я люблю читать — не раз ловил меня с полочным. Однажды застучал в библиотеке, когда я рассматривала сборник карт. В другой раз — у плиты, с книгой стихов. А как-то я зачиталась романом, вместо того чтобы до блеска натирать полы. Но разве не поэтому он столь охотно делит со мной постель? И так любовно называет своей Энн?

Кончики моих губ вздрагивают в едва заметной улыбке, которая тотчас вянет. Пена в голове оседает. Ключки оберточной бумаги разбросаны под ногами. Огромная, толстая книга совсем не похожа на сборник стихов или роман. Тем более — на атлас. Я переворачиваю ее, нюхаю кожаный переплет, трогаю рукой гладкий корешок. Провожу кончиками пальцев по обложке с выпуклыми позолоченными буквами. «Руководство по ведению домашнего хозяйства от миссис Битон».

Меня охватывает разочарование. Зачем мне такая книга? Пальцы машинально листают страницы, буквы пляшут и расплываются перед глазами. «Телячье колено с рисом... горчичный тартар... репа в белом соусе... пудинг с крыжовником»...

Я издаю возмущенный, совсем не элегантный хрюкающий звук. Мистер Уитмарш купил мне книгу рецептов! Он еще больший фигляр, чем я подозревала.

Движения моих рук замедляются, я фокусирую взгляд и начинаю читать рецепт гофрированного лосося под соусом из каперсов. У меня появляется странное чувство. Мозг, еще несколько минут назад взбитый в пышную пену, сжимается до размеров лесного ореха.

Каждое слово, каждый ингредиент поразительно знакомы. Я переворачиваю страницу, читаю. Листаю даль-

ше, еще дальше... и вдруг до меня доходит: это мои рецепты. И, конечно же, *ее*. Я узнаю их, потому что не раз готовила эти блюда. И записывала свои наблюдения на грифельной доске. Кусочком мела. День за днем. Из года в год.

Наши рецепты украли, переписали по-новому, лишили изящного, элегантного стиля, тонкого юмора. Остался только костяк — бесстрастные списки ингредиентов и сухие указания, подписанные именем некой миссис Битон. Это наши рецепты, мои и мисс Элизы, труп которой едва успел остыть в своей могиле.

Я читаю дальше, ощущая на языке вкус каждого блюда: сладковатая нежность лука-порея, молодой зеленый горошек, утопающий в растопленном масле, невесомая, как облако, белоснежная меренга. Постепенно, перебирая рецепты, я мысленно возвращаюсь на кухню в Бордайк-хаусе, где воздух пропитан густым духом запеченных голубей, жареного лука, тушеных слив. Слышу скрип колонки в буфетной, треск поленьев в печи, звон посуды и бряцание приборов, стук скалки по столу, бесконечное клокотание и бульканье в горшках.

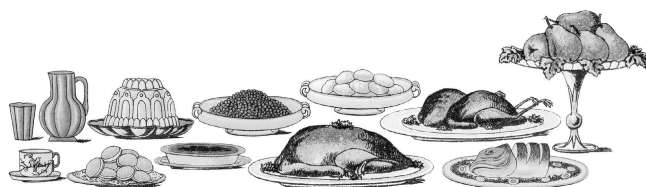
Отложив в сторону книгу мистера Уитмарша с украденными рецептами, я медленно опускаюсь на колени, чтобы собрать с пола обрывки бумаги. В этот момент появляется *она*. Я узнаю ее легкую и решительную походку. Она идет ко мне, шелестя юбками. «Ты здесь, Энн?» — слышу я настойчивый и одновременно ласковый голос. Следующие слова я знаю наизусть. «Сегодня у нас много работы». Я жду. Тишина. Со двора доносится заглушаемое ветром воркование голубки, выводит вдохновенные рулады соседский петух.

И я внезапно понимаю, что должна сделать.

ГЛАВА I

ЭЛИЗА

РЫБЬИ СКЕЛЕТЫ

Полдень в лондонском Сити встречает меня грохочущими по булыжникам повозками и экипажами, воплями уличных зазывал с тачками и ручными тележками, толкотней и давкой. Голые по пояс сухоребрые мальчишки, точно изголодавшиеся птенцы, бросаются подбирать дымящиеся конские яблоки. Сегодня самый жаркий день в году — во всяком случае, так думаю я, изнемогая от духоты в своем лучшем шелковом платье с тугим корсетом. На Патерностер-роу пышет жаром каждый камень, каждый медный колокольчик, каждый чугунный поручень. Даже деревянные леса, подпирающие недостроенные здания с пустыми провалами окон, раскалились от зноя и скрипят от жажды.

Самый важный день в моей жизни. Чтобы успокоить натянутые, как струны, нервы, я рассматриваю окружающую картину и облакаю ее в слова. Толпа, текущая вдоль той стороны улицы, на которую отбрасывают тень более высокие здания. Блестящие от пота бока запряженных в повозки лошадей. Мелькающие в окнах экипажей

веера из петушиных перьев. Поникшие кнуты возниц. И солнце — огромный золотой шар в бесконечной голубизне небесного купола.

Я останавливаюсь: не совсем правильный ритм. Может быть, «далекие небесные чертоги» звучат приятней, чем «голубизна небесного купола»? Я беззвучно произношу слова, верчу на кончике языка, они эхом отзываются в ушах... Далекие небесные чертоги...

— Смотри, куда идешь, старая кошелка!

Я отскакиваю и спотыкаюсь — чуть не угодила под телегу с гнилой капустой. Нестерпимо хочется оказаться дома, в чистоте и уюте. Мне не место на зловонном поле боя, которое представляет собой центр Лондона.

Покинув теньевую сторону улицы, по которой несет взбудораженная толпа, я перехожу на солнечную. Народу на солнцепеке меньше, зато смрад гуще: немытые тела, гнилые зубы, омерзительные помои. Что только не валяется под ногами, между булыжниками мостовой: выбеленные селедочки скелеты, битые ракушки, ржавые гвозди, плевки жевательного табака, кишащая червями дохлая мышь, гниющая апельсиновая кожа и яблочные огрызки, усыпанные фруктовыми мушками. Все это либо высушено, либо медленно разлагается, издавая чудовищный смрад. Я затыкаю нос пальцами — нет никакого желания превращать это гадкое зловоние в поэзию.

— Далекие небесные чертоги, — тихонько бормочу я.

Рецензент моего первого поэтического сборника назвал его «изящным и тонким», и мне представляется, что «далекие небесные чертоги» — столь же изящно и тонко. А вот что скажет мистер Томас Лонгман, издающий знаменитых поэтов? Мысль о мистере Лонгмане стремительно возвращает меня в настоящее, к моей миссии.

Опустив голову, я разглядываю влажный шелк своего зеленого платья с большими темными кругами пота под мышками. И почему я не наняла экипаж? Теперь явлюсь

на самое важное свидание в своей жизни, истекая потом, точно горячечный ребенок.

Вот и медная табличка на двери, указывающая, что здесь находится штаб-квартира мистера Лонгмана, издателя и книготорговца. Я останавливаюсь, перевожу дух. И в это мгновение вся моя жизнь, мое прошлое, бескрайняя высь небес, пестрая суета лондонской улицы — все сходится в одной трепещущей точке. Момент истины. Я ждала его долгих десять лет... Мой звездный час...

Убрав с шеи выпроставшиеся из прически локоны, я прячу их под шляпку и вновь провожу руками по влажным складкам платья. Готова! Дрожа от волнения, я держу дверной колокольчик, который издает пугающе долгий звон, и меня направляют через помещения, битком набитые книгами, к узкой лестнице. Наверху — еще одна комната, столь плотно заставленная книгами, что едва остается место для моих юбок. Мистер Лонгман — судя по всему, это он, — сидит за столом, изучая раскрытую карту, так что мне видна только увенчанная пышной растительностью макушка.

Он не обращает на меня внимания, и я пользуюсь возможностью рассмотреть его глазами поэта. Он увешан золотом. На обеих руках сверкают золотые перстни с печатками, а в складки черного сюртука уходит золотая цепь для часов. У него густая шапка седых волос со стальным отливом.

Мистер Лонгман поднимает голову, являя взгляду румяное лицо, розовый оттенок которого подчеркивает галстук из шелковой саржи лавандового цвета, подпирающий многослойный подбородок. Над глазами, утопленными в глубь черепа, нависают растрепанные кустистые брови.

Он бросает на меня равнодушный взгляд из-под полу-прикрытых век:

— А, миссис Актон...

У меня вспыхивают щеки.